

— Жаль. Но почему же?—насмѣшливо спросилъ Лапкинъ.
— Потому, что мы смотримъ съ вами разное и на дѣло, и на жизнь.

— Такъ что же?

— То, что мы идемъ разными дорогами.

— Ты, напримѣръ, какими?

— Не стоитъ рассказывать, для васъ это непонятно.

— Ха-ха-ха!—разразился вдругъ Лапкинъ:—удружилъ, признаюсь!.. Ха-ха-ха! Непонятно!.. Какой мудреный человекъ!.. Ха-ха-ха!..

Лапкинъ долго откашливался и охаль; но, проглотивъ водочки, успокоился и не безъ ехидства спросилъ:

— А что, Иванъ Яковлевичъ, ты здоровъ?

— Слава Богу, не опасайтесь.

— А на мой взглядъ—ты какъ-будто немножко завираться начинаешь.

— И пусть кажется.

— Нѣтъ, дружокъ; я вѣдь серьезно, жалѣя тебя, говорю. Случилось это съ тобой, я знаю, отчего,—отъ книженокъ!.. Вѣрите каждому печатному вздору о какихъ-то тамъ особенныхъ путяхъ и возвышенныхъ цѣляхъ—нельзя, душа моя, не поддѣлаться тебѣ совсѣмъ. Твое дѣло какое? Лежи на печи и тверди: „День прешедъ, благодарю тя, Спасе мой!“ А ты...

Иванъ Яковлевичъ потерялъ терпѣніе и крикнулъ:

— Что за вздоръ вы говорите! Я васъ не понимаю!

Лапкинъ увидѣлъ, должно-быть, что хватилъ черезъ край. Тонъ Большакова былъ очень грозенъ и Василий Никандровичъ мгновенно переимѣнилъ фронтъ.

— Что же,—началъ онъ:—если я и сказалъ тебѣ это, такъ вовсе не для того, чтобы огорчить тебя, а по дружбѣ, изъ желанія добра. Развѣ я не чувствую, Иванъ Яковлевичъ, какъ много обязанъ тебѣ? Напротивъ: очень чувствую; тѣмъ болѣе, что и сейчасъ вотъ тоже нуждаюсь въ твоей помощи.

Молчаніе.

— Перечислится въ купцы,—продолжалъ Лапкинъ:—совѣтую я для твоей же пользы; ты самъ, я думаю, видишь, что нынче нѣтъ общественнаго положенія независимѣ купческаго.

Большаковъ молчалъ.

— Такъ какъ же?

— Что такое?

— Да я, Иванъ Яковлевичъ, на счетъ деньженокъ было къ тебѣ.